

Глава 3

...Следующие два дня обошлись без происшествий. Оставаясь в убежище, они могли избегать ненужных проблем, поэтому Зиг хотел провести время в праздности и обдумать расплывчатую мысль, которую он по-прежнему не мог нормально выразить словами.

Но с его Слугой на это можно было не рассчитывать.

— Ну же, пойдём на свежий воздух и поиграем!

— Подожди о чём ты?!..

Даже попытки святой девы удержать Райдера были бессмысленными. Чёрный Райдер таскал их обоих за собой, сколько его душе было угодно.

Они бродили по городу, ели, навещали известные туристические достопримечательности, разговаривали и смеялись, не обращая внимания на косые взгляды прохожих. Когда возникали проблемы, Райдер и Рулер с ними разбирались. Раздражённые люди криво улыбались, когда неотразимый Райдер с ними заговаривал, а замыслившие недоброе убегали прочь, повесив головы, стоило лишь Рулер сделать им выговор.

Зигу казалось, что он гулял в компании тайфуна и ангела. Он чувствовал себя в полной безопасности, но при этом сильно уставал.

Но не более того. И эта усталость сама по себе была крайне успокаивающей.

— ...Тебе весело? — спросил его Райдер, застав Зига врасплох. По какой-то причине Рулер тоже пристально уставилась на него, словно ожидая ответа.

И Зиг ответил:

— Конечно, мне весело.

Да, он чувствовал, как внутри него тлело нетерпение. Он тревожился о будущем, а над их целью нависали мрачные тучи. Естественно, он ни на секунду не забывал обо всём этом. Но...

Ослепительные солнечные лучи, чистое голубое небо, прохожие, пышущие энергией и жизнью, к добру или худу.

Одно лишь это уже переполняло его сердце возбуждением.

Зиг улыбнулся, и Рулер с Райдером удовлетворённо кивнули.

Он не знал, по какой причине они так отреагировали. Даже когда он спросил, Слуги лишь обменялись взглядами и хихикнули... *Наверняка это что-то хорошее*, подумал Зиг.

...С наступлением ночи Зиг предавался размышлениям.

Он ломал голову над сложными вопросами, на которые у него не было ответа, вроде человеческого добра, человеческого зла и человеческих инстинктов. Он читал книги и искал напутствия у двух людей, которые были рядом, но всё равно продолжал мучать себя вопросами, на которые не мог ответить.

И он также думал об Амакуса Широ Токисада.

— ...Почему он пытается спасти человечество? — внезапно пробормотал Зиг, читая книгу на диване в гостиной.

— Хмм? Разве не потому, что люди в его глазах полны греха? — отозвался Райдер, словно это было нечто само собой разумеющееся.

Это был простой ответ, но при этом, как показалось Зигу, очень правильный. Люди по своей природе были грешными существами, и именно в этом и заключалась причина, по которой Широ пытался спасти человечество. Хотя Зиг не знал, как он намеревался использовать Великий Грааль, чтобы воплотить это в жизнь – Широ в любом случае переполняло чувство долга. И долг этот говорил ему, что он должен спасти грешное человечество.

— Значит, Амакуса Широ ненавидит людей?

— Я так не думаю.

Лёжа на другом диване, Райдер указал на книгу про Амакуса Широ, чтением которой Зиг был поглощён. Он взял её с собой из крепости Миллениа, посчитав, что она может оказаться полезной. Несмотря на то, что Зиг обладал информацией о других Слугах, он не смог бы понять, каким человеком был предводитель противной стороны, не попытавшись изучить его.

...Если бы всё просто сводилось к сражению, то можно было бы обойтись и без этого. Превратившись в великого героя Зигфрида, он, вероятно, смог бы победить Амакуса Широ Токисада, который в конечном итоге был всего лишь святым с Дальнего Востока, одним ударом.

Но Зиг почему-то чувствовал, что это неправильно. Вне зависимости от того, какая сторона победит, Зиг хотел, по крайней мере, познать своих противников. Даже будучи в состоянии понять их или согласиться с ними, он должен помнить об их существовании и объективно взглянуть на их жизнь.

Спустить курок, чтобы убить противника, ничего не зная при этом ни о нём самом, ни о его целях – Зиг чувствовал, что этого ему делать не стоит.

Поэтому, пусть информацию и нельзя было назвать подробной, он изучал Амакуса Широ Токисада. И чем больше ему открывалось, тем меньше он понимал.

Если бы его призвали обычным Слугой, тогда Зиг понял бы. Даже его призыв Рулером на Дальнем Востоке, вероятно, можно было понять.

Согласно исследованиям магов Иггдмиллениа, Третья Война за Святой Грааль, по всей видимости, была поистине ужасной.

Армии предположительно союзных стран действовали в тайне друг от друга вместе с множеством участвовавших в войне магов – и к тому времени, как все это осознали, ситуация обернулась бойней, которую никто не мог контролировать.

Во времена своей первой жизни Амакуса Широ Токисада стал свидетелем жестокого убийства тридцати семи тысяч человек, а обретя вторую жизнь, он узрел ужасный конфликт между магами и армиями.

— Разве он не должен был разлюбить людей после всего этого?..

— ...Я так не думаю, — внезапно произнесла Рулер, сидя на собственном диване. Райдер и Зиг посмотрели на неё. Рулер пробормотала, словно обращаясь не к ним, а к самой себе:

— Если ты живёшь как герой или святой, тебе, естественно, откроются как уродливые, так и прекрасные стороны человечества. Человеческое добро,

человеческое зло или, возможно, что-то, превосходящее и то, и другое. Сколько бы уродства он ни видел, он всё равно хочет верить в прекрасное. Именно поэтому он *хочет продолжать любить людей*, которых жаждет спасти – наверное, так он и думает.

— ...Понятно.

Это разумный вывод, подумал Зиг. Но Райдер возразил, дрыгая ногами.

— Но в таком случае изберёт ли он «спасение *всего человечества*»? Хмм... То есть он ведь может избавиться от плохих людей и оставить только хороших, разве нет?

— Это отбор, а не спасение. Ни один герой или святой не имеет права решать, кого спасать, а кого нет.

Зиг с любопытством наклонил голову вбок в ответ на слова Рулер.

— Но Вы же сами сражались в прошлом, разве нет? Чтобы защитить свою родину и победить противника. Разве это был не отбор тех, кто достоин спасения?

— ...Да, это правда. Не думаю, что это было неправильно. Но даже так мои действия были «грехом». Я не считала себя святой; я всего лишь обычная женщина, которая услышала плач Господа.

Поэтому это был не отбор, а выбор. Она решила спасти *этих людей* и уничтожить *тех*. Такова была природа того, как люди спасали других людей.

Никто не должен решать, кого стоит спасти, а кого нет, глядя на них свысока.

— Котомине Широ... Амакуса Широ Токисада тоже должен это понимать. Он заполучил Святой Грааль не ради спасения лишь тех, кто этого заслуживает, а ради спасения всех людей. Однако это ошибка. Именно поэтому я и здесь.

— Ошибка?.. То есть, не будь это ошибкой, Вы тоже избрали бы такое спасение?

Услышав вопрос Зига Рулер напряглась. Чашка кофе в её руке слегка задрожала.

— ...Рулер? — с любопытством окликнул её Зиг, и Рулер поспешно покачала головой.

— Н-нет, всё в порядке... Да, думаю, я бы сочла такое спасение идеальным. Но это невозможно.

— Да, невозможно! Иначе какие-нибудь более мудрые ребята в прошлом уже бы это сделали! Живые существа не могут жить, просто получая спасение от других!

— ...Значит, это касается и меня, спасённого тобой?

Райдер сердито посмотрел на Зига.

— Боже! Конечно, нет! Ты не был спасён. *Ты попросту спас себя сам!* Я лишь помог немного! Тогда вот тебе встречный вопрос: стал бы ты думать о побеге своими силами, если бы знал, что тебя в конечном итоге спасут?

Зиг не нашёлся, что ответить.

...Если бы он знал наверняка, что его спасут, то стал бы так отчаянно бороться?

Знай он, что его кто-нибудь спасёт, если он просто подождёт...

— ...Вот именно. Да, Зиг, тебя несомненно спас Чёрный Райдер. Но если учесть то, что произошло до его появления, то вначале ты обрёл спасение своими силами. Не стоит пренебрегать этим.

Услышав слова Рулер, Зиг ощутил эмоцию, которую было очень сложно описать. Это чувство не было неприятным, но нечто странное, смесь радости и стыда, коснулось его сердца. Зиг понимал, что это «смущение», но всё равно ответил далеко не сразу.

— ...Вот как?

— Да, именно так.

Сказав это Райдер взял печенье.

— О, клубника. Какая удача!

— Ох, Райдер, ты одни только клубничные и ешь.

Рулер сердито посмотрела на Райдера. Она купила сладости для того, чтобы они смогли вместе насладиться ими под кофе, но из-за крайне специфических вкусовых предпочтений Райдера клубничные стремительно убывали.

— Я всего лишь беру наугад... О, опять клубника.

— Р-разве это не последнее? Райдер, ты!.. Обжорство – смертный грех!

— Д-да нормально всё! Шоколадные тоже вкусные! Я спать, спокойной ночи!

Видимо, осознав своё невыгодное положение, Райдер внезапно перешёл в призрачную форму и сбежал.

— Боже...

Наблюдая за всем этим, Зиг взял одну из сладостей с шоколадным вкусом. Пустив в ход своё притуплённое чувство вкуса, он умудрился распробовать шоколад.

— Думаю, они вполне вкусные.

— Да...

Он бросил поникшей Рулер одну из сладостей. Съев её, она расплылась в довольной улыбке.

— Ах, я словно предаюсь упадничеству...

— ...Думаю, Вы уже увязли в нём по самые уши, когда дело касается еды, — рефлексивно отметил Зиг. — Нет, прошу прощения, с языка слетело.

Рулер надулась.

— Для меня это уникальная форма призыва, поэтому с этим ничего нельзя поделать. Кроме того, я сжигаю калории в огромных количествах, так что она может не бояться появления лишнего веса.

— Она?.. А, Вы про Летицию.

Рулер – Жанна д'Арк – смогла вновь ступить на эту землю, используя в качестве сосуда тело девушки по имени Летиция.

— Да. Она очень хорошая девочка.

Как только они начали говорить про Летицию, выражение лица Рулер смягчилось.

— Я бы тоже так подумал. Пусть она не участвует в сражениях, но её характеру и решимости последовать за Вами можно только позавидовать.

— Да. Вот только она, кажется, заинтересовалась кое-чем другим...

Рулер весело улыбнулась. Кое-чем другим... Безусловно, Великая Война за Святой Грааль изобиловала самыми невероятными фантазиями, в числе которых были магия и, конечно же, Слуги. Любой обычный человек заинтересовался бы.

— А, я знаю. Ты явно заблуждаешься, Зиг.

— ...Вы прочли мои мысли? — Зиг в замешательстве наклонил голову вбок, из-за чего улыбка Рулер стала ещё шире.

— Да. В конце концов, её очаровал... ?!..

Не успев закончить, Рулер прикрыла рот ладонями.

— В чём дело?

— Н-ни в чём. Что более важно, Зиг, ты не хочешь поговорить с Летицией? Всё равно мы сейчас ничем не обременены.

Услышав вопрос Рулер, Зиг с любопытством наклонил голову. Она спросила, не хочет ли он с ней поговорить, но на самом деле это будет их первая встреча.

— Мне казалось, что она держалась в стороне, когда я впервые встретил Вас. Она не против?

Зиг не обижался на ненависть к себе и не стал бы принуждать к разговору кого-то, кто его ненавидел, поэтому старался учитывать чувства Летиции.

— Не против! — резко вскочив на ноги, громко закричала Рулер. Зиг в замешательстве уставился на неё, из-за чего она прикрыла ладонью рот с изумлённым выражением лица.

Тишина. Спустя какое-то время Рулер вновь села на диван.

— ...Рискну предположить, что ты *Летиция*?

Когда Зиг спросил это, она попыталась покачать головой – но затем кивнула.

Выражение её лица было каким-то беспомощным, словно она никак не могла успокоиться. То, как она с волнением стиснула кулаки, явно было присуще обычной девушке, каких можно было встретить где угодно.

— Э-э-э, да. Всё верно, я... Летиция.

— Приятно познакомиться... если можно так выразиться.

Летиция улыбнулась и кивнула. Зигу её улыбка показалась немного грустной.

— Да, взаимно, Зиг. Я очень рада, что мне выдался шанс поговорить с тобой. В конце концов, до сих пор я лишь наблюдала за тобой.

— Понятно. Э-э-э... ты не возражаешь? Прости, неясно выразился. Э-э-э...

Летиция хихикнула и кивнула в ответ на двусмысленный вопрос Зига.

— Нет, ничуть. Просто, как бы сказать... до этого я слишком сильно нервничала. Но теперь всё нормально. Ведь я наблюдала за тобой какое-то время.

На её губах возникла мягкая улыбка, которая отличалась от таковой у Рулер – они обладали одними и теми же чертами лица, но при этом производили совершенно разное впечатление.

— Тогда хорошо... Но ты действительно ввязалась в серьёзное дело.

Девушкой, живущей обычной жизнью, однажды внезапно завладела святая. Более того, она оказалась втянута в Войну за Святой Грааль и стала свидетелем жестокости, выдержать которую далеко не каждый бы смог.

Даже если она могла просто погрузить свой разум в сон, вероятно, порой она видела такое, чего ей вовсе не хотелось видеть.

— Святая дева Жанна очень бережно со мной обращается. Кроме того, говоря по правде, моё сердце немного трепещет от возбуждения.

— Твоё сердце... трепещет? — с любопытством наклонил голову Зиг, и Летиция кивнула.

— Э-э-э, я понимаю, что это неосмотрительно с моей стороны... но до недавнего времени я ничего не знала о магии и всём таком прочем. Если бы Жанна не снизошла ко мне, то я, вероятно, прожила бы всю свою жизнь, не ведая обо всём этом.

Она сцепила ладони, словно в молитве, и продолжила:

— Но этот опыт позволил мне многое понять, многому научиться. Я встретила лицом к лицу с героями мифов и легенд. И неважно, враги они или союзники, всё это было ценным опытом для обычного человека, вроде меня. А ещё я, э-э-э, встретила... с тобой, Зиг.

— ...Это правда, что гомункулы – редкое зрелище, — понимающе кивнул Зиг после недолгих размышлений... и Летиция, услышав его, поникла.

— Не потому что ты гомункул. Потому что ты – это ты, Зиг.

— ...Хм.

Зиг вновь наклонил голову. Его реакция, которую можно было описать лишь как самую наивность, показывала, насколько сильно он не понимал.

Летиция думала.

Этот парень бесстрастно принижал свои «личные» качества до пугающего уровня. Он был Мастером, Слугой Чёрным Сэйбером и гомункулом, владеющим магией. И он, вероятно, думал, что ничего больше из себя не представляет.

Он считал свою доброту к другим, свою храбрость, не уступающую таковой ни у героев, ни у всего прочего, что стояло выше него... несущественными. Он думал, что обладать такими качествами было вполне естественно для каждого.

Летиции это казалось невыносимо грустным.

— ...Э-э-э, Рулер... Нет, Летиция.

Летиция подняла голову и уловила серьёзный взгляд Зига. Он выпрямился и посмотрел прямо на неё.

— Я сказал что-то грубое?

— А? Почему ты так думаешь?..

— Просто ты смотрела на меня с таким грустным видом. Рулер, вероятно, поправила бы меня или разозлилась, поступи я грубо. Но сейчас ты – Летиция. Я подумал, что, в отличие от неё, тебе в такой ситуации может стать грустно. Неужели я ошибся?

Вот, значит, как, подумала Летиция. Она вновь опечалилась, но при этом сразу же всё поняла.

В итоге ей всё-таки придётся сказать это вслух. Потому что Зиг был не в состоянии видеть то, что любой мог инстинктивно понять своим сердцем.

Возможно, шанса лучше у неё уже не будет.

Будь храбрее, с укором сказала она себе.

Если она не скажет это здесь и сейчас, то, возможно, уже никогда не сможет этого сделать – как же Летиция ненавидела такие мысли.

— Нет, дело не в этом. Я... Да, я просто не хочу, чтобы ты относился к себе так пренебрежительно, Зиг. Э-э-э, я скажу это только один раз, хорошо?

— Конечно.

Летиция сделала глубокий вдох, подалась вперёд и произнесла:

— Зиг, даже не будучи Мастером, Слугой или магом, ты – поистине замечательный человек просто потому, что остаёшься *самим собой*.

После этих слов на лице Зига на какое-то время застыло ошеломлённое выражение. Летиция удовлетворённо кивнула, после чего закрыла глаза...

— ...Я тоже так думаю, Зиг. И я молюсь за то, что однажды ты тоже будешь думать о себе именно так.

Рулер потрепала его по голове. Ошарашенный Зиг ответил неясным кивком. Рулер надеялась, что слова Летиции станут для него стимулом и помогут со временем понять.

— Я...

Зиг не смог закончить предложение.

Он сомневался в мире, сомневался в людях, сомневался в добре и зле. Но он ещё не ставил под сомнение *самого себя*. Если он и дальше будет так относиться к миру, оставаясь при этом пустым внутри – то ему, вероятно, придётся однажды прийти к выводу, что он был бесполезным существом.

Ценность своей жизни должен определить лишь он сам. И когда Зиг признает собственную ценность, это поможет проложить путь, по которому он пойдёт дальше.

Рулер хотела верить в это. Она хотела защитить его. Если бы она могла, по крайней мере, помочь ему найти свой путь, пусть даже они не смогут идти по нему бок о бок...

— ...

Её мозг вдруг словно пронзила раскалённая игла, и она почувствовала головокружение. *У тебя нет права говорить о мечтах*, прорычал голос в её голове.

Ты притащила его сюда – привела этого гомункула на поле боя, словно это было совершенно естественно. По воле Господа.

— Рулер, в чём дело? — обеспокоенно спросил Зиг, и Рулер быстро покачала головой.

— Всё нормально, — ответила она, после чего Зиг погрузился в размышления. Наблюдая за ним, Рулер вновь подумала:

...Безусловно, я привела его сюда.

Она не знала, что произойдёт дальше. Но у неё была ответственность. Ответственность за то, что она не уговорила его убежать.

И поэтому она будет и дальше его защищать... даже если ради этого ей придётся поставить на кон собственную жизнь.

Поклявшись сделать это в глубине своего сердца, Рулер почувствовала облегчение. Она рискнула бы жизнью ради него. Именно эта её часть принесла ей облегчение.

Но кое-что она не заметила... Эти чувства, которые словно сжигали её изнутри, состояли не из одной лишь вины.

Летиция находила это печальным. Даже если она укажет ей на это, святая дева, вероятно, не согласится. А когда она всё же сможет это принять, то будет уже, скорее всего, слишком поздно.

Таким образом, эта последняя ночь для всех пройдёт в тишине и без происшествий.

...Ночь продолжалась.

Чёрный Арчер сжал ладонь в кулак и поднял его к звёздному небу.

Он не думал о том, что его предстоящим противником будет его бывший ученик. Враг был великим и несравненным героем, сильнейшим воином Ахиллом. Тем, кто стремительно пронёсся по полю боя во времена Троянской войны...

Его сердце ликовало. В то же время он собирался с духом. Не было никаких гарантий, что он сможет победить, даже если будет сражаться с Ахиллом на пике своих возможностей. После спокойных размышлений Арчер пришёл к выводу, что его шансы на успех равнялись тридцати процентам. Безусловно, копьё Райдера было быстрым. Даже если Арчер полностью изучит его навыки и повадки в бою, вероятность того, что он не сможет достаточно быстро обработать данные в реальном времени, была крайне высокой.

Более того, всё это строилось на предположении, что ему сначала удастся занять выгодную позицию в бою, а его противник не станет использовать колесницу.

Для столь удобного развития событий требовалось немало удачи и планирования.

Но именно поэтому Арчер запечатлел факт того, что он должен победить, в своём сердце. Потому что победа была последним уроком, который он мог преподать своему Мастеру.

Как странно, с улыбкой подумал Арчер. Ему бы и в голову не пришло, что последнюю ночь он проведёт в таком спокойствии. В обычной Войне за Святой Грааль победить могла лишь одна пара.

В подобной ситуации, когда для него было бы вполне естественно умереть в отчаянии, ему посчастливилось встретить множество товарищей – как бы невероятно это ни звучало.

Мы точно победим.

Арчер размышлял над этим простым заключением, а его сердце переполняли чувства.

...Ночь продолжалась.

Чёрный Райдер спал, несмотря на тот факт, что он был Слугой. Он уснул, хотя необходимости в этом не было. И он видел сон.

Естественно, ему снился Мастер.

Однако жизнь Зига была такой короткой и насыщенной, что казалась лишь мимолётной вспышкой. Первым, кого он встретил вскоре после своего рождения, был не кто иной, как сам Чёрный Райдер.

Таким образом, наблюдая за прошлым Зига, Райдер нашёл себя.

Он ощущал его мысли и чувства, испытал на себе всю ту радость, которая переполнила Зига, когда Райдер появился перед ним – и сказал, что защитит его.

Я защищу тебя, я защищу тебя, я защищу тебя, я хочу, чтобы ты стал счастливым!

Сердце Райдера плясало от радости. Он забыл, что вскоре им предстоит расстаться... или, скорее, не давал этой мысли проникнуть в его голову. Он понимал. Это наверняка будет болезненно и печально.

Обретя плоть, Райдер смог бы остаться рядом с Зигом, но это было весьма непросто. Вне зависимости от того, удастся им вернуть Великий Грааль или нет, не было никаких гарантий того, что он после этого сможет исполнять желания.

Но Райдер смутно понимал, что для этого было уже слишком поздно. В такие моменты инстинкты редко его подводили.

Поэтому пока будем думать только о хорошем. Как Слуга я постараюсь изо всех сил, поклялся Райдер.

В его груди горело, а в голове вихрились бесформенные мысли, и поэтому он, начиная испытывать невыносимое возбуждение, смог понять.

Он будет сражаться, готовый отдать жизнь за своего Мастера. От этой мысли ему невольно становилось радостно на душе.

Губы Райдера, отдавшего себя в объятия сна, изогнулись в лёгкой улыбке.

...Ночь продолжалась.

Не в силах уснуть, Каулес отстранённо смотрел на внутренний двор замка из своего окна. Его глаза в лучшем случае могли лишь смутно различать силуэты предметов во мраке, но ему удалось разглядеть очертания обломков, которые ещё не успели убрать.

Каулес часто наблюдал отсюда за своей Слугой. Обычно она повсюду следовала за ним. Единственное, что Берсеркер делала сама, – срывала цветы в этом дворе.

Несмотря на то, что прошло всего лишь несколько дней, это вызывало у него ностальгию, и он ненавидел себя за то, что испытывал это чувство.

В то же время его удивило то, насколько отчётливо он вспомнил эту сцену. За все их редкие разговоры Каулес лишь однажды задал Чёрной Берсеркер конкретный вопрос.

— *Разве тебе нравятся цветы?*

Она наклонила голову вбок, словно не понимая того, что он сказал. Каулес горько улыбнулся – возможно, это было вполне естественно. Сцена бросания цветов в озеро была лишь выдумкой киноделов.

Когда он извинился и сказал ей забыть об этом, Берсеркер кивнула и вновь принялась гадать на цветах. Затем, держа в руках сорванные лепестки, она встала и подбросила их к небу.

Падая на землю, лепестки закружились, подхваченные лёгким ветерком.

Это длилось лишь мгновение – но сцена ярко запечатлелась в его голове. Стоя среди падающих лепестков, она выглядела невыносимо недолговечной.

Ему стоило чаще с ней говорить. О том, что им нравилось или не нравилось... о чём угодно. Говорить обо всём, не сдерживаясь. Она была не в состоянии обмениваться словами, однако навряд ли могла общаться по-своему.

Но её не стало. Каулес позволил ей погибнуть так, словно убил её собственными руками.

Кусок обломков, вонзившийся в землю цветочной клумбы, невольно напоминал ему могильный камень. И затем его мысли потекли в ещё более скверном направлении.

— Идиот, хватит.

Он хлопнул себя по голове. У него не было времени предаваться сентиментальности. Всё закончится завтрашней ночью. Каулес не знал даже, доживёт ли он до этого момента.

Но... у него ещё была ответственность Мастера. Даже если у него не осталось командных заклинаний, даже если его Слуга погибла, Каулес вступил в Великую Войну за Святой Грааль и сражался по собственной воле.

Поэтому он продолжит идти вперёд, насколько это будет для него возможно. Это были оковы, которые Каулес надел на себя сам.

— ...Надо поспать.

Каулес решил попытаться уснуть, даже если ему придётся заставлять себя. Естественно, у него имелись при себе стимулирующие травы и заклинания, но они были припасены лишь на крайние случаи или на те моменты, когда в его исследованиях намечался прогресс и от них нельзя было отрываться. Если ему удавалось уснуть, тогда всё было нормально. Однако Каулес не так давно перенёс пересадку Магической метки. Тело горело огнём от боли, поэтому он всё равно бы не смог нормально поспать.

Вдобавок у него в запасе были заклинания и травы, избавляющие от кошмаров. *Может, прибегнуть к ним?* Поколебавшись немного, Каулес решил всё же этого не делать.

Он принимал кошмары о прошлом и ближайшем будущем, не отворачиваясь от них и не убегая. Он знал, что это было ужасно самодовольно с его стороны, но всё равно считал это своей обязанностью.

Каулес уснул, молясь за то, чтобы он и, что самое главное, его сестра смогли пережить завтрашний день.

...Ночь продолжалась.

В отличие от брата, Фьоре намеренно решила не спать. Отчасти причина была в том, что она не могла уснуть, но ещё ей было страшно видеть сны. Её решимость была подобна мягкому пудингу – развалится при малейшем потрясении.

Вопреки обыкновению, Арчер всё ещё пребывал в материальной форме.

— Я хотел бы кое о чём подумать, будучи при этом в физическом теле.

Для неё это не было большой нагрузкой, поэтому Фьоре с радостью разрешила ему остаться наедине с самим собой. Скорее всего, сейчас он предавался размышлениям на наблюдательном пункте замка недалеко отсюда.

Фьоре думала об Арчере. Несмотря на то, что завтра они распрощаются навсегда, она ощущала странное спокойствие.

Вот только вдобавок к этому она испытывала необычное чувство быстротечности, словно нечто дорогое постепенно отдалялось от неё. Почему? Из-за того, что послезавтра она откажется от магии? Из-за приближающегося расставания с Арчером? Или же, возможно, причиной было и то, и другое? Она рассеянно думала над этим, не зная ответа.

До пересадки Магической метки она считала, что так будет лучше.

Но по окончании процедуры на неё нахлынули сожаление и беспокойство по поводу того, что она совершила нечто ужасное.

И теперь она постепенно теряла внутреннее равновесие.

Она хотела поговорить с Арчером. Поговорить о том, что, возможно, сожалеет о своём выборе. Но Фьоре остановила себя. В данной ситуации говорить стоит не об этом. Скорее всего, её Слуга просто даст совет, несколько не меняясь в лице.

...Она сама постарается изо всех сил.

Это удручало, но при этом согревало душу. Жизнь человека представляла собой путь, продолжающий тянуться вперёд даже посреди сожалений, которые, вероятно, тоже будут постепенно таять изо дня в день.

Но даже ей не удастся избежать новых сожалений. Она будет забывать их, прятать в дальних уголках своего разума и жить дальше, постоянно приукрашивая их и тем самым оправдывая себя – ах, как же это было человечно с её стороны.

Она решила никогда не жалеть лишь о трёх вещах.

Первой была её любовь к тому псу. То, как он раздражённо дулся, когда она мыла его в душе, счищая грязь. То, как он потом нежился в лучах солнца и наслаждался тёплым ветерком. То, как он вилял хвостом, когда она гладила его по голове. Несмотря на то, что его жизнь оборвалась так трагично, воспоминания о тех днях были очень дороги её сердцу.

Второй был её призыв Слуги и встреча с Хироном, Чёрным Арчером. Одно из немногих событий в её жизни, которое она могла с гордостью назвать успехом во всех отношениях.

Третьей было её обучение магии. Ей это нравилось. Оно не было гнетущим или совершенно бессмысленным. Радость, которую она испытывала, когда успешно использовала заклинания, даже теперь горела в её груди.

Одних лишь этих воспоминаний хватало для того, чтобы она могла с гордостью жить дальше.

Даже горюя по утраченному, она всё равно гордилась тем, что в её жизни однажды были столь дорогие ей вещи.

— Ах, но завтра я могу умереть, — вслух пробормотала она, после чего хихикнула. Естественно, если она умрёт, то её последние мгновения будут

огражены сожалением. Но ей казалось, что даже при смерти она сможет испытать гордость, если перед этим ей удастся сделать хотя бы один шаг вперёд.

Не смыкая глаз, Фьоре тихо ждала завтрашний день.

§§§

...Ночь продолжалась.

Покинув Бухарест, Красная Сэйбер и Сисиго Кайри направились к военно-воздушной базе имени Михаила Когэлничану, которая располагалась в трёх сотнях километров от города.

Предметы, которые Сисиго запросил через Ассоциацию магов, находились там. Возвращаться в Бухарест они не планировали, поскольку их следующим пунктом назначения было поле боя – другими словами, висячие сады.

Сисиго Кайри, сидевший за рулём, и расположившая в пассажирском кресле Сэйбер ехали вперёд под льющееся из радиоприёмника меланхоличное кантри, не говоря друг другу ни слова. Молчание не вызывало у них чувства неловкости. Сэйбер думала, что это само по себе было странно.

При жизни она никогда не испытывала такого молчания. В большинстве случаев всё сводилось либо к тому, что люди бежали от неё, либо к тому, что она словам предпочитала дело. Зачастую между ней и оппонентами возникала такая ненависть, что они готовы были убить друг друга без лишних разговоров.

Рядом с ней все держались настороже, на что она отвечала тем же. Она думала, что такова была жизнь, таковы были рыцари и таково было существо по имени Мордред.

— ...Эй.

— Ммм, чего?

Даже его отрывистая манера речи не казалась ей раздражающей. Машин на дороге совсем не было, и даже те немногие звуки, что доносились до них, лишь подчёркивали тишину и спокойствие.

— ...Эй, я спросил, в чём дело.

В голосе Сисиго чувствовалось подозрение – ещё бы, ведь она окликнула его без какой-либо конкретной причины. Вероятно, в её голове в тот момент вертелось: *«Что бы такое спросить?»*

— А... Я уже и забыла.

Сисиго вновь замолк на какое-то время, после чего в замешательстве склонил голову набок и пробормотал:

— ...С людьми такое часто случается, но разве к Слугам это относится?

— Ну да. В конце концов, мы настолько реальны, что это считается нашей второй жизнью. Вот только нам не нужно есть или спать.

— Однако ешь ты так, что за ушами трещит...

— Заткнись. Дело не в голоде, мне просто интересно, какова еда на вкус.

— Неудивительно, ведь твой остров известен своей чудовищной кухней.

— Хватит сыпать оскорблениями, на которые я не могу ответить, Мастер.

Она продолжала говорить с ним на эту тему, невзирая на то, что считала её бессмысленной. Это забавляло, причем так сильно, что, по её мнению, с выпивкой стало бы ещё веселее, если бы она у них сейчас была.

Почему она не могла говорить так со всеми при жизни?.. Причина была очевидна: потому что её отец не стремился к общению. Будучи той, кто однажды унаследует дело своего отца, она не могла делать то, чего не делал он.

Но те вещи, до которых он не опускался, были такими весёлыми.

Её отец никогда ни с кем не общался, потому что это было весело? Или же потому что он не находил это весёлым? Или же он, может, всего лишь не видел в этом необходимости?

Возможно, все эти домыслы были правильными. Её отец всегда смотрел слишком далеко вперёд. Он с лёгкостью посвятил все свои силы созданию мирной страны.

Конечно же, рыцари её отца тоже посвятили этому все свои усилия. Однако они были в какой-то мере недалёковидны. Для того, чтобы возвести замок, необходимо сначала заложить фундамент, но они не понимали этого, и просто стремились к тому, чтобы возвести замок.

Или, возможно, всё было как раз наоборот. Они не могли понять, какие плоды их нынешние усилия принесут в будущем.

Разорение деревни на своей территории было бездушным и жестоким поступком... Они ни секунды в этом не сомневались. Они не видели победы, что ждала их впереди. Это было вполне естественно. То, что они потерпят поражение, если не разорят собственные земли, было лишь возможным вариантом будущего.

Естественно, король всё им объяснил. Они услышали его слова о том, что деревня была принесена в жертву ради победы. Но...

Может быть... они могли бы победить и без разорения деревень?

Подобные мысли всегда порождали в них недоверие к королю... В конце концов, их им внушал сам Рыцарь мятежа, дабы посеять смуту.

Король был изолирован, одинок... это было фактом.

Но... возможно, всё обернулось бы иначе, если бы они общались.

Если бы между ними установились доверие и взаимопонимание, то это, может быть, открыло бы другой путь...

— Ты чего это вдруг притихла?

— Заткнись. У будущего короля много тревог, которые обычный люд понять не в силах.

— Да, да, придворный маг скромно замолкает.

Когда Сисиго сказал это, Красная Сэйбер вдруг представила себе своего Мастера в мантии, которая бы лишь ещё сильнее подчёркивала его подозрительную наружность, и сгорбившегося, словно старик.

Она невольно расхохоталась.

— Тебе совсем не идёт! Нет уж, Мастер! Для этого тебе нужно сперва поработать над своей физиономией!

— Эй, нечего критиковать чужие лица. Я, вообще-то, весьма чувствительно отношусь к своей пугающей внешности!

Красная Сэйбер немного удивилась, услышав эти слова... но затем вновь осознала. Это была мелкая деталь, но она снова узнала кое-что новое о человеке по имени Сисиго Кайри.

Она узнала кучу интересного о другом человеке, всего лишь проведя с ним несколько дней. Сколько бы всего она узнала о других, если бы общалась с ними при жизни?

Если бы она поговорила с королём... Смогла бы она его понять?

Несмотря на то, что всё это осталось далеко в прошлом, она не могла не испытывать сожаление, думая об этом.

— ...Долго ещё ехать?

— Нет. Знаю, тебе скучно, но...

— Мне не скучно. Что более важно, поговори со мной ещё, Мастер. О чём-нибудь обыкновенном и бессмысленном.

Сисиго горько улыбнулся в ответ на её надоедливый тон.

По правде говоря, ехать им предстояло ещё долго. Он боялся, что ей станет скучно, но если обычная беседа её удовлетворит, то это было бы просто идеально.

— Ничего не поделаешь. Тогда позволь мне рассказать тебе историю одного человека, которого я встретил на одном поле боя...

Мастер Сисиго начал рассказывать о незначительном событии из своего прошлого, а Слуга Сэйбер, слушая его, смеялась, после чего поведала несколько собственных абсурдных историй из тех времён, когда она была рыцарем.

Возможно, я смеюсь в последний раз, подумала она.

Её не страшила смерть. Она не отчаётся, даже если её желание не будет исполнено. Она лишь негромко вздохнёт, пожмёт плечами и скажет: «Так уж вышло».

Даже если им во всём будет сопутствовать удача, даже если они разработают идеальную стратегию, проявят все свои способности и заполучат Святой Грааль, их всё равно будет ждать расставание.

— ...Эй, Мастер, а расставаться грустно? — невольно спросила Сэйбер, ощутив вдруг, как дрогнула её решимость. Она представляла себе, каким будет его ответ. «Расставаться не грустно. Пока в людях живы воспоминания, они могут идти вперёд».

Разумеется, Сисиго не оправдал её ожиданий.

— Конечно же, грустно. Особенно если вы расстанетесь навеки. Послушай, Сэйбер. Разлука с кем-то означает, что вы больше не сможете общаться и навсегда лишитесь шанса понять друг друга. Какими бы сильными ни были узы между тобой и людьми, они рано или поздно исчезнут в потоке времени, а вместе с ними и твои воспоминания о них.

— Тогда получается, что знакомиться с новыми людьми бессмысленно?

— Совершенно бессмысленно. Если бы мы были идеальными существами, то вообще не испытывали бы нужды знакомиться с людьми. Встречаясь и общаясь с другими, мы пытаемся восполнить то, чего в нас не хватает. Но, к сожалению, мы далеки от совершенства. Вот почему нам приходится избавляться от чувства одиночества, встречаясь с другими. Другими словами, знакомство с людьми – это роскошь. Думая об этом в таком ключе, ты сможешь вынести общение даже с самыми неприятными людьми.

— ...Какая противоречивая логика.

Услышав изумлённый голос Сэйбер, Сисиго от всей души рассмеялся. Действительно, сказанное им не было ошибкой. Всего лишь обыденная беседа, совершенно бессмысленная трата времени.

Это была невероятная роскошь, невероятно дорогое время, потраченное на неё...

Тем более для Слуги. Ведь Слуга, как правило, только и делает, что сражается, пока всё не закончится.

— Поэтому предлагаю насладиться этой роскошью, пока у нас есть шанс. Вернёмся к моей истории...

Сисиго продолжил свой рассказ. А она слушала его, потихоньку смыкая глаза.

...Ночь продолжалась.

Как и Чёрный Райдер с Красным Кастером, Красная Арчер не любила пребывать в призрачной форме слишком долго. Она предпочитала воспринимать ощущение и запах земли.

Арчер практически не испытывала ненависти к запахам железа в висячих садах, но она не чувствовала запаха деревьев или земли. И что самое главное, здесь она не могла слышать смех детей.

С самого рассвета истории теми, кого больше всех угнетали в этом мире, были дети. Множество детей попросту плакали и умирали, не в силах даже смеяться и улыбаться.

Каждый раз, когда она думала об этом, Арчер испытывала столь сильное отчаяние, что оно разрывало ей сердце. Мир должен был быть простым. Мир, где все дети смеялись и нуждались лишь в заботе и помощи взрослых.

И всё же они втапывали в грязь, унижали и никогда не любили юные души, что рождались в этом мире, которых они должны считать частью самих себя.

Будучи когда-то одной из этих детей, Арчер хорошо понимала, насколько это жестоко и болезненно. И ещё... насколько радостным было чувство, когда её умоляющую ладонь накрыла чужая рука.

— ...Вот именно. Поэтому я не отвергну вас. Я приму вас. Буду любить вас. Любить по-настоящему.

Глядя на свою бледную правую руку, Арчер улыбнулась. Мстительные духи продолжали шептать.

Убей, убей, убей, убей всех, убей их всех до последнего.

...Это было ненормально. Низшие мстительные духи могли лишь повторять желания, породившие их. Если им хотелось «вернуться», то они будут упорно продолжать пытаться сделать это. Даже если пройдёт сто или тысяча лет, пока они остаются духами, это не изменится.

Но мстительные духи, завладевшие правой рукой Арчер, изменили своё желание. Возникло ли оно из желания Красной Арчер, или же духи действительно понимали её любовь и ненависть? Даже сама Арчер этого не знала.

Она была уверена лишь в одном.

Ее желание было абсолютно правильным, а судьбы всех детей мира висели на волоске. Она не могла позволить себе потерпеть поражение. Даже если... она станет монстром, вселяющим ужас в сердца всех, кто её увидит.

Вот именно, у неё была такая сила. Но сила не героя, а чудовищного зверя, ниспосланного богами в качестве наказания... но ради этих детей она с радостью станет им.

Поэтому подождите ещё немного. Всё хорошо, я стану опорой для вас всех, - прошептала она, прижав правую руку к груди.

Рука отозвалась на её слова слабым «спасибо». По крайней мере, она услышала это.

Пока этот голос был с ней, она могла сражаться. Могла убивать. Могла разрушить все преграды и уничтожить любое зло.

Даже если её убьют как монстра, она сгинет с улыбкой на лице...

...Ночь продолжалась.

Красный Райдер встал в стойку «ядовитой змеи» с копьём в руках. Это был эффективный стиль, при котором он, сжимая древко посередине, мог наносить быстрые выпады и одновременно отражать атаки врагов. В этой стойке он целил в живот своего противника, Хирона.

Однако враг весьма естественно уклонился от атаки, шагнув в сторону и изогнувшись.

Враг видел движения Райдера насквозь. Он понял, куда будет направлен удар, едва Райдер встал в эту стойку.

...Как ему следует ответить, с готовностью делая шаг вперёд? Выждав момент для ответной атаки и сместившись влево или вправо, враг ударит рукой или отвесит пинок. С восьмидесятипроцентной вероятностью его оппонент нанесёт круговой удар ногой в тот же миг, когда он изогнёт свой торс. Это было самое логичное развитие событий. Вот почему, когда он шагнёт вперёд, враг будет вынужден целиться в его голову. Как ему стоит защититься? Он мог бы отвести копьё назад и вновь сделать выпад... но не успеет. Он мог бы опустить голову и уклониться... но это лишь ещё сильнее нарушит его стойку.

Забыть и повторить.

Он решительно начал с прыжка и продолжил выпадом копьём... Повторить.

Он попытался сделать выпад после подсечки... Повторить.

Он взмахнул своим копьём по горизонтали, развернулся, когда его атака была заблокирована, и вновь совершил взмах. Целясь в колени, он сделал выпад вниз... Не годится. Повторить.

— Проклятье, ничего не действует.

Красный Райдер закрыл глаза и вздохнул. Его ладони были мокрыми от пота. Загрибок застыл, а тело болело так, словно он на самом деле наносил удары.

Райдер представлял себе воображаемую дуэль с Чёрным Арчером на ровной поверхности без всяких помех и препятствий.

В итоге... он прошёл через пять сражений и в каждом проиграл, совершив ошибку. Пока он использовал копьё, обращаться с которым его научил сам Арчер, враг видел все его комбинации насквозь. Вдобавок наблюдательность Арчера была столь феноменальной, что граничила с прорицанием. Если Райдер пытался совершить внезапную атаку, Арчер читал его движения и наносил ответный удар.

Естественно, ситуация была не такой плохой, какой казалась. Райдер наносил удары копьём с поистине божественной скоростью. Даже если его атаки видели насквозь, всех до единой избежать было нельзя. В недавней воображаемой битве он сражался в ситуации, когда его скорость не бралась в расчёт.

Но он не мог сказать наверняка, что так действительно всё и будет. Навыки Чёрного Арчера не знали границ. Он был идеально сбалансирован во всех аспектах; именно поэтому все герои хотели учиться у него. Более того, воплощение Слуг после призыва соответствовало тем годам, когда они находились на пике своей мощи. Несмотря на то, что у Арчера был человеческий облик, его показатели находились на уровне, когда существо, известное как Хирон, пребывало в самом расцвете сил.

Если в предстоящей битве забыть про все их чувства и узы и попросту трезво сравнить силы, то Чёрный Арчер был врагом, с которым ему хотелось сойтись в бою меньше всего. Поэтому Райдер всегда рисовал в голове наихудший вариант развития событий... и каждый раз терпел поражение.

— ...У меня такое чувство, что я допускаю ошибку при первом же движении.

Поскольку противник был сильнее него, ошибка в самом начале боя оказалась бы смертельной. Поскольку они знали все ходы друг друга, путём логических рассуждений он мог сказать, что этим битва и закончится.

Поскольку оба они двигались, полностью подчиняясь логике, проиграет тот, кто первый ошибётся.

Однако была большая вероятность, что подобная ситуация не возникнет. Единственным, что Чёрные могли противопоставить его колеснице, был гиппогриф их Слуги класса Райдер. Его противник взлететь не мог, как бы ни пытался.

Эти условия не изменятся, если не произойдёт что-нибудь значимое.

Но с другой стороны, противник также будет отчаянно пытаться изменить это положение. Чёрные могли придумать план, который не пришёл бы в голову ему самому.

В таком случае враг явно будет его искать. Он знал это, потому что на его месте поступил бы так же.

Потому что ранить его могли лишь те, в чьих жилах текла божественная кровь... а «он» был единственным Слугой вражеских сил, который ею обладал.

...Нет, такие причины ничего не значили.

Райдер знал. Его дрожащие мускулы, скрипящие кости и кипящие клетки шептали ему.

...Тем, кто сойдётся в бою с этим воином, будешь ты.

...Ты единственный, у кого есть право сразиться с ним.

Он не хотел убивать своего противника. В нём не было к нему ненависти. Это было чистое желание померяться силами; он не возненавидит его, даже если тот проиграет, и не будет держать на него зла, если падёт сам.

Он просто хотел сразиться с ним, размахивать кулаками, пинаться и пронзть его своим копьём.

Насколько сильным он был в сравнении с учителем, которого он когда-то любил и уважал? Он хотел показать ему. При жизни все восхваляли его как героя. Но учитель так и не увидел его свершений после их последнего расставания.

Он гордился.

Как и другие герои, вроде Геракла или Ясона, он невероятно гордился тем, что его наставником был Хирон. И всё же его учитель всегда лишь спокойно улыбался. Он не гордился тем, что даровал мудрость и силу таким героям, как Ахилл. Как и не испытывал к ним зависти за то, что их восхваляли как героев.

— Конечно. Даже без меня они бы рано или поздно сами стали героями. Я всего лишь слегка подтолкнул их к этому. Но знаешь, Ахилл, этим... этим своим простым деянием я несказанно горжусь...

Хирон однажды сказал это Ахиллу, когда тот был ещё совсем юным.

Может, это была лишь мысль, которая внезапно пришла тогда Ахиллу в голову. Или, возможно, об этом он думал постоянно во время обучения...

...но Ахилл считал, что Хирон, который продолжал обучать и наставлять других, ни разу не сражался всерьёз.

И в то же время он также думал, что ему хотелось высвободить всю мощь своего великого учителя.

Великая Война за Святой Грааль была поистине чудом.

В зависимости от ситуации, они оба могут оказаться не в состоянии полностью проявить свою силу.

Но этот момент настанет. *Он обязательно настанет.* Райдер намеревался посвятить этот последний оставшийся день тренировки.

Ночь шла на убыль, и солнце вскоре вновь взойдёт. Но Райдер всё так же смотрел сквозь тьму, не закрывая глаз.

Ошибка, повторить, промах, повторить.

Красный Райдер продолжал повторять сотни сражений, дабы одержать верх над Чёрным Арчером...

...Ночь продолжалась.

Красный Лансер купался в роднике в пределах висячих садов, царивших в небесах. Естественно, Слугам не нужно было мыться, но привычки из тех времён, когда он был жив, никуда не делись.

Карна молча омывал своё тело, глядя на загадочный феномен воды, которая текла снизу вверх.

Несмотря на великолепную броню и ослепительное копьё, Карна предпочитал вести простую и скромную жизнь.

Прежде всего, сам он никогда не желал этой брони или копья. Доспехи были дарованы ему в ответ на просьбу его матери, обращённую к богам, а копьё он получил, когда отдал эти доспехи Индре.

Причина, по которой он выжил после того, как мать оставила его, заключалась в силе, смиренно дарованной ему отцом, и броне, полученной благодаря матери.

За всю жизнь он ни разу не посрамил имя своего отца.

Этот руководящий принцип не изменился даже теперь, когда он обрёл вторую жизнь. Поэтому естественно, что он, будучи Слугой, должен был подчиняться своему Мастеру. Красный Лансер отказывался совершать то, что запятнало бы имя отца.

Однако его Мастер уже был пленён ещё до того, как Лансер ответил на призыв. Ситуация была непростой, особенно учитывая его принципы.

Его Мастер продолжал грезить с пустыми глазами. Он не мог с ним общаться, поэтому на взаимопонимание можно было даже не надеяться. Единственным, что Лансер понял из его невнятного бормотания, было то, что Мастер ошибочно считал себя победителем в схватке за Грааль.

Этого для Лансера было достаточно. Он заполучит Святой Грааль и исполнит желание своего Мастера... Разумеется, он прекрасно понимал, как сложно это будет сделать.

Возможно, ему не удастся его заполучить. Святой Грааль находился прямо перед его глазами, но это была не та ситуация, в которой он мог бы с лёгкостью его забрать, и что самое главное – теперь Мастером Лансера был Амакуса Широ Токисада, и именно он в данный момент являлся обладателем Грааля.

Он не намеревался предавать бывшего Мастера, но и против Широ выступить не мог. Лансер был загнан в угол.

Однако подобное было вполне ожидаемо для Карны, Героя милосердия. Он не держал зла на своего бывшего Мастера или на Широ.

Он лишь делал всё, что мог, в пределах тех действий, что были ему доступны.

Он лишь совершал то, чего от него просили, пока это было возможно.

И он всегда всё принимал с невероятной серьёзностью вне зависимости от результата.

Красный Лансер вспомнил то, что продолжало навязчиво его преследовать.

Был один человек, один герой в этом мире, который беспрестанно будоражил сердце Карны.

Его звали Арджуна. Увенчанный ^{Киритин} диадемой, ^{Виджая} Всепобеждающий, ^{Дхананджая} Завоеватель богатств - он был человеком с множеством имён, которого все любили.

Если Карна лишился всего в обмен на броню и копье, то Арджуна получил всё, ничем не пожертвовав.

Была ли эмоция, которую к нему чувствовал Карна, завистью? Или же чем-то совершенно иным?

При жизни Карна так и не узнал ответ на этот вопрос. В конце концов, будучи тем, кто никогда никому и ничему не завидовал, он не мог конкретно назвать те чувства, что не давали покоя его сердцу.

...Вскоре после того, как началась эта Великая Война за Святой Грааль, он получил ещё один шанс узнать ответ.

Чёрный Сэйбер. Лансер мог сказать, что этом человеке есть что-то от Арджуны. Узнав впоследствии его настоящее имя от Широ, Лансер понял причину этого.

Трагический герой из королевской семьи, который обрёл богатства, славу и всё, что только было возможно, – Зигфрид.

Но в отличие от Арджуны, его кончина была ужасно прискорбной.

Безвременная смерть от удара в спину. Даже не успев взмахнуть своим мечом, сразившим дракона, Зигфрид получил удар в своё единственное уязвимое место и расстался с жизнью.

Карна считал все Героические души, которые участвовали в Великой Войне за Святой Грааль, особенными существами.

Он видел в своих союзниках товарищей, а во врагах – превосходных доблестных воинов. В этом смысле Карна «понимал» другие Героические души сильнее любого другого.

Но единственным, кем он заинтересовался лично, был Чёрный Сэйбер. Несмотря на то, что они обменялись всего парой слов, Лансер заглянул вглубь этого человека после сотен и тысяч ударов, которыми они обменялись в бою.

Человек, который был очень похож на Арджуну, но в то же время жаждал чего-то.

Человек, который не сожалел о своей безвременной кончине и вместо этого искал чего-то нового.

И... просто герой, что было очевидно для всех. Он пожелал вновь сразиться с Красным Лансером и видел в нём врага, которого необходимо победить. Это была величайшая честь и несравненная радость для такого воина, как Лансер.

Эта битва и это обещание. Испытывал ли он когда-нибудь столь сильное возбуждение? Он чувствовал благодарность за поступки и тёплые беседы людей. Но это было слишком далёко от «эгоизма». Он никогда не испытывал желание или радость, от которых у него внутри всё бурлило.

Но он нашёл это на поле боя. Если подумать, то только на поле боя он чувствовал радость. Всё его естество было сосредоточено на острие копья. Это был единственный миг, когда он мог забыть о своих союзниках и свободно нестись вперёд, «обнажив себя».

Искры от скрещивающихся клинков были для Карны мерцающими звёздами. Достойный противник, который мог с лёгкостью отразить его «обнажённое я» и потребовать показать всё, на что он способен. Это было надменно с его стороны, но ему этого хватило, чтобы понять, что вся его жизнь была ради того, чтобы вкусить радость этого момента. Именно поэтому, когда Чёрный Сэйбер исчез, когда перспективы очередной битвы растворились в пустоте, Лансер ощутил непередаваемое сожаление.

Чёрный Сэйбер исчез.

Но... *он ещё не умер.* Лансер не знал, что за причина скрывалась за этим, но Сэйбер по-прежнему находился в этом мире.

В таком случае... их обещание ещё можно было сдержать.

Естественно, Лансер понимал, что «он» был существом, очень далёким от Чёрного Сэйбера. Лансер понимал, что «он» был существом, с самого рождения лишённым всего даже больше, чем сам Лансер, но, тем не менее, продолжающим бороться за жизнь.

Однако обещание есть обещание. Его нельзя изменить. В тот день Карна и Зигфрид поставили на кон свои жизни, использовали смертоносные техники и временно отложили исход сражения.

...Они поклялись своими жизнями, что сразятся вновь и высвободят друг против друга всю свою мощь. Это доверие основывалось на самих их жизнях. Разрушить его – значит оскорбить жизнь того человека.

Несомненно, он доверил нечто тому, кто теперь стал Чёрным Сэйбером. Лансер верил, что это нечто тоже связано с их обещанием. И он хотел это подтвердить.

Таким образом, Красный Лансер жил, чтобы защищать своего Мастера до конца войны и сдержать обещание, данное Чёрному Сэйберу.

§§§

...Это вовсе не казалось кошмаром.

Спокойный воздух наполнил сильный жар, обжигающий мою кожу.

...*Снова здесь?*

Я коснулся грубой каменной поверхности своей ладонью. Сколько раз я уже сходил в бой со злым драконом Фафниром? Сколько бы я ни размахивал своим мечом, клинку так и не удалось пронзить его шкуру. Мне приходилось постоянно уворачиваться от его атак в самый последний момент, а малейшая ошибка означала мгновенную смерть.

В этой битве не было никакой показной героической истории.

Это была адская комедия, в которой мне приходилось размахивать мечом только для того, чтобы выжить, вне зависимости от того, насколько нелепо и неприглядно это выглядело.

Я знал, что мне не по силам его одолеть. Мне не хватало опыта, во мне не было искры; внутри я был лишь мягким и уязвимым гомункулом, натянувшим на себя личину героя.

Но прямо сейчас я был Зигфридом, убийцей дракона. Я должен был вновь вступить в эту вселяющую отчаяние битву.

Дракон открыл пасть и выпустил иссиня-белый свет.

Вспыхнуло пламя. Я понял, что уклониться от него было невозможно. Я высвободил силу **Бальмунга** и заблокировал атаку, перейдя в наступление!..

Дыхание дракона было взрывом невероятного жара, невероятной силы и невероятной плотности. Обычный человек умер бы в мгновение ока, либо сгорев дотла, либо выплюнув свои лёгкие от давления.

...Но мне как-то удалось выжить.

Я попытался сделать вдох и тут же судорожно закашлялся.

Похоже, мне удалось выжить благодаря прочности моей брони и ударной волне **Бальмунга**. Сильную боль и удушье можно было выдержать, пока я находился в этой оболочке.

Но...

Мои руки не могли двигаться. Несмотря на то, что всё тело горело, словно я искупался в кипящем масле, внутри меня всё застыло от страха. Я не мог победить. Даже с телом героя «Зигу» было не по силам сразить это чудовище.

Что же мне делать?

Откуда мне было знать? Сражаться, убегать или договариваться – всё это было невозможно против такого врага. У меня не было других вариантов, кроме как сдаться.

...Как будто я могу сдаться.

Но даже сделав себе выговор, я не мог ничего придумать. Возможно, чувствуя это, дракон придвинулся ко мне боком, словно насылая на меня страх.

После чего он внезапно раскрыл пасть и атаковал. Я рефлекторно нанёс ответный удар своим мечом.

Возможно, ткани внутри его пасти мягче, чем шкура...

Эта слабая надежда была с лёгкостью разбита.

— Ч... то?..

Если бы мои надежды всего лишь не оправдались, я бы с этим как-нибудь справился. Но атака дракона была направлена не на меня, а на большой меч, отразивший ранее его дыхание, **Бальмунг**.

Драконьи зубы, чья прочность превосходила любую сталь, сомкнулись на мече и откусили клинок.

Легендарный меч, который был дарован Зигфриду Нибелунгами. Одновременно святой и проклятый меч, который высвободил сумеречный взрыв...

Если его держал в руках не герой, а гомункул... то его можно было с лёгкостью сломать.

Я... на самом деле вовсе не был Зигфридом. Этот герой придумал план и выбрался даже из такой передряги.

Мне оставалось лишь тщетно набираться решимости. Я вот-вот погибну. Не знаю, что произойдёт в реальности, но здесь меня сейчас разорвут зубы дракона.

Поражения не избежать; мне всего лишь не повезло.

Я хотел оправдаться этими словами. Мне просто не повезло... оказаться здесь, в этой ситуации и в этот момент.

Это вполне естественно. Кем ты себя возомнил?

Гомункул, искусственная форма жизни, созданная с помощью магии, к тому же модель массового производства. Я всего лишь выживал, полагаясь на удачу и цепляясь за доброту других.

...Моя душа чиста и непорочна, поэтому я могу стать чем угодно.

Мои самоуничижительные мысли замерли после внезапного откровения. Но, прежде чем я смог понять, что именно это было, дракон схватил меня своей пастью.

Его клыки вгрызлись в меня. Моё тело изогнулось от боли, которая была столь сильной, что я не мог даже кричать. Я выпустил эфес меча и слабо ударил дракона обеими руками.

Меня пожирали заживо. Это было гораздо более болезненно и ужасно, чем я себе представлял. Пока я боролся за жизнь, мой взгляд случайно встретился с глазами дракона – и он, похоже, самодовольно смеялся надо мной.

Этот дракон наверняка пожрал тысячи людей. Вероятно, он распробовал их страх и отчаяние.

Несмотря на то, что он принадлежал драконьей расе, верхушке фантазменных видов, он был невероятно алчным. Он продолжал копить добро и пожирать людей, что приходили к нему на съедение.

Сколько бы ударов я ни наносил, руки человека не могли даже пронять его, не говоря уж о том, чтобы ранить.

Его клыки сминали и пронизывали мои броню и тело. Эти доспехи были прочнее обычных, но они всё равно были не толще бумаги под натиском клыков дракона.

Я хочу клыки, подумал я.

Я хочу клыки, чтобы сражаться. Я хочу клыки, чтобы победить. Я хочу клыки, чтобы не проиграть.

Я хочу клыки этого дракона.

Надо мной нависла верхняя челюсть дракона. Я открыл рот и впился в неё зубами, словно голодный волк.

Раздался рёв. Дракон изумился, не в силах поверить в случившееся.

Я сам не мог в это поверить.

Я осознал.

И затем рассмеялся.

Таким образом, мой путь был определен.

Я отбросил все другие варианты, не зная даже, были ли они у меня вообще, и открыл путь.

Командные заклинания , ^{Облик} ^{погибшего} **являющие дракона** на моей левой руке, что властвовали над разрушением. Больше не было нужды вести обратный отсчёт до моей смерти. Результат будет тем же вне зависимости от того, сколько командных заклинаний я использую. Поскольку я решил участвовать в этой войне, *отсчёт несомненно достигнет нуля*.

Но я уже был готов ко всему.

Я впился в верхнюю челюсть и обнажил свои клыки на дракона.

...И затем Зиг открыл глаза. Его сознание было ясным и свободным от боли.

Он посмотрел в окно, не вставая с постели. Снаружи было ещё темно, но небо начинало потихоньку светлеть.

Рассвет был уже близко. Поняв, что больше ему всё равно не уснуть, Зиг решил встать.

§§§

...Ночь подошла к концу, и забрезжил рассвет.

Рулер без устали смотрела на постепенно меняющееся небо из окна. Она уже закончила утреннюю молитву. Если учитывать физическое здоровье Летиции, то было бы лучше вернуться в кровать... но даже так ей вовсе не хотелось спать.

Её сердце было в смятении по двум причинам. Первая была связана с Амакуса Широ Токисада... и его планом по спасению человечества.

Безусловно, на первый взгляд всё выглядело так, словно её призвали в классе Рулер только для того, чтобы его остановить. Но в данный момент Великий Грааль находился в руках врага, и такими темпами ей не удастся помешать его плану.

Разве не получалось всё так, что на этой стадии она неосознанно действовала на благо противника?

...Дело плохо, она начала задумываться о потоках судьбы. Они были сложными, искривлёнными и чрезвычайно запутанными. Мысли о них приведут лишь к сомнениям и неопределённости.

План по спасению человечества, о котором возвестил Амакуса Широ Токисада, был всего лишь бредом сумасшедшего. Несомненно, его план принесёт разрушение – вот почему она была призвана. Она заставляла себя думать так, чтобы продолжать противостоять ему, и отводила взор от бесчисленных сомнений, которые проносились в её голове.

Что если его желание действительно правильное?

Могла ли она на самом деле сказать, что ответ, которого достиг такой герой, как он, по прошествии шестидесяти лет, был действительно ошибочным?

Способа спасти человечество, не ранив никого и не пролив ни капли крови, точно не существует... Действительно ли она думала так?

Должно быть, каждый мечтал достичь этого в определённый момент своей жизни.

Почему она сказала, что Амакуса Широ Токисада на это не способен?

Если его желание было правильным...

Если его слова были правдивыми...

Что должна избрать Жанна д'Арк?

И была ещё одна причина для её тревог, гораздо более серьёзная проблема.

Она беспрестанно думала об этом. О той роли, которая была уготована «ему» в этой Великой Войне за Святой Грааль...

— Не спится?

Едва услышав эти слова, Рулер загнала тревогу в глубины своего сердца и развернулась. За её спиной стоял Зиг, облачённый в обычную пижаму.

— Да. Ночь почти закончилась. Скорее всего, сегодняшний день станет последним. Мы направимся к висячим садам и вступим в бой. Дабы остановить Амакуса Широ Токисада.

— Да, мы должны его остановить.

— ...Можно мне задать тебе один последний вопрос? — произнесла Рулер несколько напряжённым голосом. Когда Зиг кивнул, она нерешительно спросила:

— Зиг, ты точно уверен, что твоё место на *этой стороне*?

Этот вопрос она задавала ему уже несколько раз. Быть на этой стороне, быть частью этой войны, участвовать в битве не на жизнь, а на смерть – *Как честно с её стороны*, подумал Зиг и утвердительно ответил:

— Да, конечно.

В его голосе не было сомнения. Но Рулер продолжала задавать вопросы.

— ...Райдер однажды сказал тебе, что «теперь ты волен делать всё», верно? И это правильно. В своём нынешнем состоянии ты можешь отправиться куда угодно и делать всё, что тебе вздумается. Гомункулы, главный источник твоих тревог, начинают новую жизнь. Почему ты всё ещё продолжаешь сражаться? Тебе это больше не нужно. *Это нормально, если ты не станешь сражаться*, Зиг.

Зиг ощутил сильное давление, словно чья-то рука сжала его сердце.

Ты не обязан сражаться, в этом нет нужды...

Эти мягкие слова и добрый голос были тем, чего он желал где-то в глубинах своего сердца. Но он покачал головой, словно сбрасывая искушение.

— У меня... есть долг. Как Мастера и как Слуги.

Он стал Мастером и мог даже стать Слугой. В этом явно был смысл...

— Зиг, всего лишь действовать ради великого блага – не единственное, что есть в жизни, — сказала Рулер. В голосе её чувствовалось самоуничижение. Эти слова показались Зигу крайне тяжёлыми и важными.

— Рулер...

— Ты обрёл силу, это правда. Эта сила необходима, и может быть, что именно поэтому ты и здесь. Но даже если ты здесь по собственной воле, это не твоя судьба. Вот почему... вот почему будет нормально, если ты убежишь, Зиг.

Рулер дрожала, словно испытывая некую сильную эмоцию.

Быть здесь по воле судьбы; быть здесь, потому что это необходимо – было в этом образе мышления что-то неправильное.

Когда Зиг начал думать об этом, Рулер коснулась ладонью его щеки. Она посмотрела на него с грустной улыбкой.

— ...Прости. Кажется, я сбила тебя с толку. Пожалуйста, расслабься. С тобой всё будет хорошо, Зиг.

С тобой всё будет хорошо... Прошептав это, Рулер вновь посмотрела в окно. В комнату проникал слабый свет.

Вот и наступило начало конца.

Ночь закончилась для всех, и небо постепенно начали пронизывать лучи рассвета.

Результат битвы за Святой Грааль не решит, будет ждать мир разрушение или нет.

Но мир будет вынужден решить, меняться ему или нет.

Амакуса Широ Токисада «праведно» спасёт мир.

Жанна д'Арк «праведно» отвергнет это.

У каждого из них была своя справедливость, а также вещи, через которые они не могли переступить. В этой битве не было зла; были лишь справедливость и вера.

Однако такой могла быть почти любая война. Каждый, у кого есть веская причина сражаться, и кто мечтает о мире, благословляющем на это его и его товарищей, с радостью вступит в бой.

В конце концов, эта Великая Война за Святой Грааль была такой же.

Ты не побеждаешь, потому что ты прав. *Правы победители, потому что они одержали верх.*

Оба Рулера это понимали. Поэтому они будут не осуждать друг друга, а всего лишь сражаться насмерть.

Если и был способ закончить эту войну без дальнейшего кровопролития, то только если одна из сторон поймёт и примет то, что убеждения другой стороны были *верны*.

Подобный исход был невозможен в девяти случаях из десяти. Обе стороны пролили слишком много крови, чтобы понять друг друга.

Но даже так одна из фракций лелеяла наивную надежду. Что они, возможно, могли бы поговорить и понять друг друга...